

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ЕГИПТА В ЭПОХУ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

Проф. В. И. Авдиев

Большие завоевательные войны, которые в течение долгих лет вели фараоны Древнего царства, сильно истощили Египет. Царская власть, опиравшаяся на правящий класс рабовладельческой аристократии, принуждена была раздать большие земельные владения отдельным, наиболее крупным аристократам, что привело к образованию мощной группы землевладельческой знати, осевшей прочно в номах и чувствовавшей себя там хозяевами положения. На усиление этих крупных магнатов, в особенности номархов, указывают их новые титулы, как, например, *hri tp*¹ (великий вождь), а также титулы начальников жрецов и начальников воинов нома, которые они себе отныне присваивают. Экономическая мощь этих аристократов настолько велика, что они уже находят возможным даже основывать новые города¹. Религиозные тексты отражают это усиление поместной знати. Если в эпоху IV династии могильные надписи называли загробную жизнь аристократа «Пребывание в гробнице» или «Путешествие по прекрасным путям божественной подземной страны», призывая покойного «на запад, к Озирису, где странствуют его спутники «имаху», то в эпоху VI династии аристократы, судя по их могильным надписям, уже претендуют на загробное блаженство, бывшее до того уделом одних лишь богов и обоготворенных царей. В своих надписях они гордо говорят о том, что они «пересекают небо в ладье» или «подымаются к богу Ра, владыке неба» при помощи «двух протянутых рук богини Аменти»², что живо напоминает религиозную фразеологию текстов царских пирамид предшествующего времени. Аристократы не считают нужным для себя строить свои усыпальницы близ столицы под сенью царской пирамиды. Как бы подчеркивая свою независимость и свою собственную мощь, они воздвигают себе гробницы в своих областях, где они жили, правили и владели громадными имуществами. Этот процесс усиления аристократии неминуемо привел единое некогда египетское государство к распаду на составные части, на те древние номы, которые продолжали сохранять свое значение со времен глубокой древности.

Так начинаются смуты в стране, которые продолжаются в течение довольно долгого времени. Однако отсутствие единой центральной власти,

¹ A. Moret—*Accession de la plèbe*. Recueil Champollion, p. 339; cp. K. Sethe—*Urkunden des Alten Reiches*, I, 78, 5, Leipzig, 1903; *ibid.* I, 76—79.

² A. M. Moret, *ibid.*, p. 335, 339.

распад государства и анархия, царящая в стране, должны губительно отзываться на экономическом состоянии Египта той эпохи. Прекратилась торговля, в особенности внешняя, что лишило Египет систематического подвоза ряда необходимых товаров: золота из Нубии, меди с Синайского полуострова, дерева из Финикии. Поэтому необходимость восстановления нормальной экономической жизни властно требовала восстановления государственного единства страны. В начавшейся борьбе за объединение Египта быстро выдвинулись два наиболее мощных центра: Гераклеополь и Фивы. Эти города занимали очень выгодное географическое положение и, очевидно, в связи с этим играли крупную экономическую, в частности, торговую роль. Гераклеополь лежал на стыке между Дельтой и долиной, а также на том пути, который вел из долины в большой Фаюмский оазис. Поэтому само географическое положение Гераклеополя должно было способствовать превращению этого города в крупный торговый центр, соединявший дельту, Фаюмский оазис и долину Нила. Очевидно, ближайшей экономической базой Гераклеополя был Фаюмский оазис, известный плодородием своей почвы, который издавна входил в состав гераклеопольского нома. Все это обусловило постепенное возвышение Гераклеополя по мере того, как падал авторитет последней Мемфисской династии. Основателем новой, Гераклеопольской, девятой по счету, династии фараонов явился Хети I Мерибра, который, возможно, объединил под своей властью весь Египет; так как его имя было обнаружено на скалах у первого порога¹. Конечно, это объединение было далеко не мирным, и Хети I пришлось, возможно, залив кровью всю страну, силой оружия объединить весь Египет под своей властью и восстановить, таким образом, единое Египетское государство. Именно поэтому с образом этого первого гераклеопольского царя в памяти народа ассоциировалось воспоминание о жестоком тиране, сохранившееся в следующих словах Манефона: «Девятая династия, состоящая из 19 гераклеопольских царей, которые правили 409 лет. Первым был Ахтой, самый худший из всех своих предшественников. Он причинил много зла всем жителям Египта, был охвачен безумием и убит крокодилом»². Объединение всего Египта дало возможность Хети I возобновить ту завоевательную политику, которую вели до него великие фараоны времени Древнего царства. Так, в одном рассказе эпохи Рамессидов говорится о том, что он воевал с бедуинами на восточных границах Дельты³.

Однако преемникам Хети I не удалось удержать в своих руках власть над всем Египтом. Это объясняется, очевидно, главным образом, тем, что на юге образовался другой центр, претендовавший так же, как и Гераклеополь, на господство над всем Египтом. Это были Фивы, очень выгодно расположенные в Верхнем Египте, там, где излучина Нила ближе всего подходит в Красному морю. Так как отсюда открывались торговые пути вверх по Нилу в Нубию, и на запад, по руслу высохшего потока Вади-Хаммамат, к Красному морю, то Фивы, расположенные на скрещении этих двух важнейших торговых путей Верхнего Египта, вскоре получили крупное торговое и стратегическое значение. Наряду с этим экономическая мощь Фив основывалась на эксплуатации довольно большой и плодородной равнины, расположенной около Фив на восточном берегу Нила. Все

¹ Saucy—The Academy, 1892, t. 2, p. 332; G. Maspero—Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. Les origines, Paris, 1895, p. 448.

² «Манефон», изд. Унрепа, стр. 107—108; «Cory's ancient fragments», London, 1876, p. 116.

³ Golenischeff—Le papyrus N I de St. Pétersburg. ÄZ, 1876, p. 109.

это дало возможность Фивам возвыситься одновременно с усилением Гераклеополя. В эту эпоху во главе Фив становится аристократический род энергичных князей, которые, судя по частому среди них имени Монтухотеп, были выходцами из Гермонтиса, где обоготворялся бог Монту. Довольно скоро им удалось объединить под своей властью ряд областей. Элькаб, Дендера, Элефантина, Коптос, Тинис и Ахмим вошли в состав Фиванского княжества. Так Фивы постепенно стали объединять под своей властью Верхний Египет, становясь тем самым наиболее опасным соперником гераклеопольских царей. Вполне естественно поэтому, что между Фивами и Гераклеополем рано или поздно должна была разгореться ожесточенная война за господство над всем Египтом.

Окончательную победу над северянами одержал один из фиванских царей XI династии, носивший имя Монтухотепа-Небхотепа. Его Горовское имя «Объединитель двух стран» ясно указывает на то, что, очевидно, ему первому удалось объединить весь Египет под своей властью. Изображения этого царя, сумевшего силой оружия покорить весь Египет, сохранились на обломках рельефа, происходящего из храма в Гебелеине (южнее Гермонтиса), перестроенного значительно позднее, в птолемеевскую эпоху. На первом обломке мы видим, как царь поражает врага, обозначенного в помещенной тут же надписи «вождь ливийцев» (техену). На втором обломке изображен тот же фараон, поражающий четырех врагов. Надпись называет фараона «Сын Хатхор, Владычицы Дендеры, Монтухотеп», а поверженных врагов царя: «сети (нубиец), сечетиу (азиат) и техену (ливиец)». Под четвертым врагом нет надписи. Однако художник придал ему явные черты природного египтянина. Общая надпись, помещенная под всей этой победной сценой, имеющей громадное историческое значение, гласит: «Поражение вождей двух стран, пленение юга и севера, нагорных иноземных стран и двух берегов Нила, племен девяти луков и двух стран Египта»¹. Таким образом, эти изображения и эти надписи ясно указывают на то, что этот Монтухотеп считал себя покорителем и объединителем двух основных частей Египта, Дельты и долины, и, кроме того, претендовал на господство в прилегавших к Египту областях Азии, Нубии и Ливии. Особенное внимание фиванских царей XI династии начала привлекать в ту эпоху Нубия. Уже Интеф Великий приказал высечь свои имена на скалах около Элефантины, очевидно, для того, чтобы увековечить один из своих набегов или одну из своих экспедиций на юг². Монтухотеп продолжал политику дальнейшего проникновения на юг. На одном рельефе, сохранившемся на скалах острова Коноссо в районе порогов, изображен царь, под ноги которого местные боги повергают все варварские племена, изображенные в виде 15 луков³. Целый ряд других надписей, в которых упоминается фараон Монтухотеп-Небхепетра (который, может быть, тождественен с предшествующим Монтухотепом-Небхотепом), подтверждает факт объединения Египта под властью фиванского царя. Так, на одной из них говорится о том, что царь поручает правителю Гелиополя военное командование, что указывает на господство фиванского царя в Дельте⁴. Позднейшая египетская традиция, в частности в эпоху Рамессидов, считала Монтухотепа-Небхепетра подлинным объединителем

¹ Frazer, PSBA, XV, p. 409, pl. XV; Breasted, op. cit., p. 204—205.

² Petrie—A season in Egypt, N 310.

³ Lepsius—Denkmäler, II, 150 c.

⁴ Petrie—A season in Egypt, pl. VIII, N 213.

всего Египта и основателем Фиванского царства. Так, его имя упоминается наряду с именами других крупнейших царей Египта в родословных таблицах Абидоса и Саккары. В Карнакской зале предков и в Рамессее он фигурирует между основателями Древнего и Нового царства фараонами Миной и Яхмосом¹. Он, очевидно, возобновил традиционную завоевательную политику Египта, стремясь к восстановлению египетского господства в Нубии. На скалах в Шат-Эрригаль, ниже Сильсилэ, сохранились скульптурные изображения царя, который в сопровождении своей матери и чиновника принимает изъявление верности от «сына Ра, Интефа», изображенного в меньшем масштабе, чем царь. Очевидно, этот Интеф, голова которого украшена царским уреем, был одним из нубийских князей, может быть, представителем боковой линии XI династии, укрепившейся в Нубии². Объединение Египта и усиление центрального правительства дали возможность снова организовать экспедиции как военного, так и торгового характера. В надписи от 41 г. фараона Монтухотепа-Небхепетра, сохранившейся около Ассуана, упоминаются «корабли в Вават», очевидно, входившие в состав экспедиции, отправленной в южные области Нубии³. Об этих военных походах на юг говорит и надпись Джехмау, обнаруженная в Нубии. Здесь говорится о военных действиях в стране Гебен (?), в стране Вават и других нубийских областях⁴. Консолидация объединенного Египта, восстановление египетского господства в некоторых частях Нубии и возможность эксплуатации естественных богатств Нубии позволили египетским фараонам XI династии снова обратить свои взоры на северо-восточные границы Египта и собрать здесь необходимые силы для того, чтобы перейти от обороны к наступлению и снова закрепиться на прежних позициях в районе Синайского полуострова. Так, в уже упомянутой надписи Джехмау говорится о том, что царь намеревается воевать с племенами аму (азиаты) страны Джати⁵. Рельефные изображения, сохранившиеся на стенах нижней южной колоннады храма в Дейр-эль-Бахри, ясно говорят о том, что в эту эпоху происходили если не настоящие большие войны, то во всяком случае подлинные боевые стычки между египтянами и племенами Синайского полуострова, которые в египетских надписях обычно называются хериуша, аму и менциу-сатет, а в данном случае «ретен реру». Мы видим здесь типичных азиатов с остроконечными бородками и с перьями на головах. Азиатские женщины несут детей в корзинах, привязанных к телу. Стрелы египетских воинов пронзают тела азиатов. Мы видим египтян, заносящих оружие над поверженными врагами, и ряды египетских воинов, вооруженных маленькими боевыми топорами и большими щитами. В одной иероглифической надписи встречается и название племени «аму», которое в точности соответствует аналогичному начертанию, встречающемуся в надписи Уны. Эти войны, очевидно, увенчались победой египетского царя, так как на одном фрагменте изображены иноземные вожди, низко склоняющиеся перед египетским фараоном. Можно думать, что во время этих войн на Синайском полуострове египтяне пользовались отрядами союзных или наемных негров и нубийцев.

¹ G. Maspero—Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. Les origines, p. 461—462 (Paris, 1895).

² Petrie—Season, 16, 489, 213; Breasted, op. cit., p. 206; E. Meyer—Geschichte des Altertums, Ed. III, vol. 1, 2, p. 259.

³ Breasted, op. cit., p. 206—207.

⁴ Roeder—Debod bis Bab Kalabsche, § 279 sq.

⁵ Ibidem.

На это указывает одна надпись, в которой упоминается «начальник негрских наемников»¹.

Усиление экономической и военной мощи Египта сказалось далее в попытках египетских фараонов XI династии захватить в свои руки всю область, лежащую между Нилом и Красным морем. Важнейшими объектами в этом районе были дорога, шедшая по руслу высохшего потока Вади-Хаммамат от Коптоса до Косейра, расположенные здесь богатые каменоломни и удобные гавани, находившиеся на берегах Красного моря, откуда открывался морской путь в далекую восточноафриканскую страну Пунт. Надписи, сохранившиеся на скалах Хаммамата, указывают на то, что в эпоху XI династии египтяне широко эксплуатировали здешние каменоломни. Так, при фараоне Небтауира-Монтухотепе сюда была отправлена большая экспедиция, о которой царь в официальной надписи сообщал в следующих словах:

«Мое величество послало наследного царевича, правителя города и визиря, начальника работ, любимца царя, Аменемхета, с отрядом в 10 000 человек из южных номов, среднего (шемау—может быть, южного) Египта и «хент» Оксиринжского нома для того, чтобы привезти мне прекрасную глыбу чистого драгоценного камня, который находится в горах и прекрасные предметы из которого делает Мин...»². Как сообщает сам Аменемхет в другой надписи, в состав этой крупной экспедиции входили:

«люди, избранные во всей стране—горнорабочие, ремесленники, работники каменоломен, мастера, художники, резчики по камню, ювелиры, казначеи фараона из каждого управления Белого Дома и из каждой канцелярии царского дома».

Несмотря на все трудности, связанные с переходом через пустынную область, Аменемхету, судя по его собственным словам, удалось выполнить поручение, возложенное на него царем.

«Я превратил,—говорит он,—нагорную область в реку, верхние долины и водный путь. Я привез ему саркофаг, вечный памятник, воспоминание навеки. Никогда со времен бога не совершали такого пути в эту горную страну. Мои воины вернулись без потерь. Ни один человек не погиб, ни один отряд не пропал, ни один осел не издох, ни один работник не пострадал»³.

Эти экспедиции конвоировались военными отрядами, которые, таким образом, приучались к длительным и тяжелым переходам через пустынные и труднопроходимые районы. Наряду с отрядами сухопутных войск в сопровождении и охране этих экспедиций принимали участие также и флотские экипажи речных эскадр, очевидно, в тех случаях, когда экспедиции двигались по Нилу. Так, в одной из Хаммаматских надписей мы читаем, что когда, повидимому, из каменоломен была отправлена крышка для царского саркофага, то этот драгоценный груз конвоировал отряд из 3 000 моряков из номов северной страны (Дельты)⁴. Конечно, для того, чтобы закрепить господство египтян в этих восточных областях, в част-

¹ E. Naville—The XI-th dynasty temple of Deir-et-Bahari, vol. I, pl. XIV—XV, XXVI, p. 5.

² Lepsius—Denkmäler, II, 149 d; Golénischeff—Hammamat, XI; Breasted, op. cit., p. 213.

³ Lepsius—Denkmäler, II, 149 e; Golénischeff—Hammamat, XII, XIII; Breasted, op. cit., p. 215.

⁴ Lepsius—Denkmäler, II, 149 d; Golénischeff—Hammamat, XI; Breasted, op. cit., p. 216.

ности, в районе Хаммамата и дороги, ведущей из Коптоса к Красному морю, и для того, чтобы облегчить движение караванов и военных отрядов по этой дороге, необходимо было вырыть здесь колодцы, снабдить этот район водой, сделать его доступным и культурным и, наконец, заселить египтянами. Надпись начальника войск в нагорных областях Саанха говорит о тех мерах, которые принимались фараонами XI династии для достижения этих целей:

«Я был начальником войск всей страны в этих горных областях,— говорит Саанх.—Я был обеспечен бурдюками для воды, (корзинами) с хлебом, вином и всякой свежей зеленью, полученной с юга. Я сделал эти долины зелеными и на высотах пруды с водой. Всюду я поселил детей, на юг до Ча-ау, а на север—до Менат-Хуфу. Я продвинулся вплоть до моря, охотился на животных и на детенышей. Я отправился в эту горную страну с 60 старыми людьми и с 70 молодыми... Я в точности все это сделал для Небтауира-Монтухотепа, «живущего вечно»¹.

Но конечной целью экономической и военной экспансии Египта на юг было проникновение в те богатые области северо-восточной Африки, которые могли бы в дальнейшем стать сырьевыми базами Египетского государства. Довольно крупное место в данном отношении занимала страна Пунт, очевидно, находившаяся на африканском побережье Красного моря, в районе Сомали или прилегающих стран. Экспедиции в Пунт снаряжались уже в эпоху XI династии. Об одной такой экспедиции мы узнаем из надписи вельможи Хену, высеченной на скалах Вади-Хаммамата². В этой надписи говорится о том, что Хену был отправлен в Пунт для доставки оттуда свежей (буквально: зеленой) мирры. Хену отправился из Коптоса по направлению к Красному морю. Здесь на берегу моря был построен, снаряжен и отправлен в Пунт корабль, специально предназначенный для этой цели. Путь по ущелью Вади-Хаммамат был сопряжен с большими трудностями. Хену пишет о том, что он шел во главе большого отряда, состоящего из 3 000 человек, в состав которого, вероятно, входили специальные отряды воинов, собранные со всего Египта. По дороге приходилось преодолевать сопротивление местного населения, враждебно относившегося к египтянам. Так, Хену пишет: «Войско сперва очищало дорогу, уничтожая тех, кто враждебно относился к царю³». Воду, хлеб и сандалии приходилось везти с собой. Таким образом, несмотря на очень ограниченный паек, 2 кружки воды и 20 хлебцев в день на человека, за войском должен был следовать очень громоздкий обоз. Для того, чтобы обеспечить людей водой, по дороге был вырыт ряд колодцев. Таковы были те трудности, которые необходимо было преодолевать при организации торговых и военных экспедиций в далекие южные страны. Вполне естественно, что преодоление этих трудностей должно было требовать довольно значительной организации в деле формирования и снабжения воинских частей, прокладки и охраны дорог в пустынных районах и обеспечения войск всем необходимым во время больших переходов.

Но это расширение завоевательной политики Египетского государства требовало большого напряжения всех живых и материальных ресурсов

¹ Lepsius—Denkmäler, II, 149 g; Newberry—Beni-Hasan, II, 18; Breasted, op. cit., p. 217.

² Lepsius—Denkmäler, II, 150 a; Golénischeff—Hammamat, XV—XVII; Breasted, op. cit., p. 208—210.

³ Breasted, op. cit., p. 209. ll. 10—11.

страны, что было возможно лишь на известной ступени централизации всего государственного аппарата. Однако этому противилась поместная аристократия, уже с конца Древнего царства укрепившаяся в номах, владевшая там громадными поместьями и занимавшая в областном управлении высшие административные посты. В смутный период между Древним и Средним царством эта поместная знать еще более усилилась, так что правители номов постепенно превратились в маленьких царьков, чувствовавших себя совершенно независимыми от центрального правительства. На этой почве, очевидно, и возник тот конфликт между номовой аристократией и центральной властью, который около 2000 г. до н. э. окончился падением XI династии и установлением власти Аменемхета I, основателя XII династии. Отсутствие документов не позволяет нам проследить перипетии этой междоусобной войны. Мы знаем лишь ее исход. Один из сподвижников Аменемхета I, правитель Бени-Хасана, Хнумхотеп I рассказывает в своей надписи о том, что он сопутствовал царю, в то время, как он шел по Нилу во главе флота из 20 кораблей, построенных из кедра. Результат этой кампании описывается в этой надписи в следующих словах:

«Он изгнал его из двух стран (Египта). Негры... азиаты пали. Он овладел нижней страной, нагорными областями, двумя странами:... с народом¹».

Захватив власть над всем Египтом, Аменемхет I обрушился на древнюю номовую аристократию, враждебную ему и упорно отстаивающую свои привилегии. Ведя эту борьбу с аристократией, Аменемхет заменял старых номархов новыми, целиком подчиненными его власти. Больше того, он заново установил границы между номами, стремясь к тому, чтобы несколько уравновесить власть отдельных номархов. Об этой деятельности Аменемхета сохранились интересные сведения в одной несколько более поздней бени-хасанской надписи. Автор ее, Хнумхотеп II, говорит:

«Когда он пришел, чтобы наказать за святотатственное преступление, сияя, как сам бог Атум, он восстановил то, что нашел разрушенным, и то, что один окружной центр отнял у другого, сделав так, чтобы каждый округ знал свои границы. Для этой цели он восстановил их пограничные камни, как небо, так как он знал их воды на основании надписей и проверил их на основании источников, так как он очень любил справедливость²».

Вполне естественно, что деятельность Аменемхета I должна была вызывать острое недовольство и даже резкий протест со стороны той номовой аристократии, интересы которой он столь ощутительно задевал. Весьма возможно, что это недовольство было одной из причин заговора, который описан в том поручении, которое царь написал своему сыну, назначив его своим соправителем, очевидно, для того, чтобы тем самым укрепить его права на царский престол³.

Укрепив власть центрального правительства и реорганизовав управление страной, Аменемхет смог сосредоточить в своих руках те силы, которые были необходимы для возобновления и расширения той завоевательной политики, которая была начата великими фараонами Древнего цар-

¹ Newberry—Beni-Hasan, vol. I, pl. XLIV; Breasted, op. cit., p. 225.

² Newberry—Beni-Hasan, vol. I, p. 59.

³ Griffith, AZ, B. 34, S. 35—49; E r m a n.—Literatur der Aegypten, Leipzig, 1923, S. 106—109.

ства. Основным, традиционным направлением военно-агрессивной политики Египта было северо-восточное направление. Сюда, на северо-восток, стремились египетские фараоны с целью захватить в свои руки богатые медные рудники Синайского полуострова и пробиться к тем важным торговым путям, которые скрещивались в Южной Палестине. Продолжая политику своих предшественников, Аменемхет также направил свое внимание на северо-восточные границы. Очевидно, с этой целью он перенес свою столицу на север, где немного юго-западнее древнего Мемфиса построил новый город, назвав его Иттауи, что означает «Владение двумя странами». Судя по иероглифу квадратной крепости, снабженной зубчатыми стенами, всегда сопровождающему иероглифическое начертание названия этого города, новая столица представляла собою сильную крепость, своего рода военный центр страны. Весьма возможно, что она находилась неподалеку от пирамиды Аменемхета I, которая была раскопана около Лишта¹. Однако о самих военных походах этого фараона в источниках сохранились лишь очень скудные сведения. Так, в надписи полководца Нессумонту, относящейся к 24-му году царствования Аменемхета I и его сына, Сенусерта I, в таких кратких словах описывается военный поход в Палестину:

«Я разгромил иунтиу, менциу и хериуша (племена азиатов). Я разрушил жилища кочевников, как будто [их никогда не было]. Я мчался (за ними) по полям. Я подошел к тем, которые скрылись за своими укреплениями. Не было там равного мне...»².

Судя по этой надписи, египетские войска одержали большую победу над кочевыми племенами Синайского полуострова и вторглись в плодородные и населенные области Южной Палестины.

Одновременно с этим Аменемхету пришлось также воевать и на северо-западных границах Египта с ливийскими племенами, жившими к западу от Дельты и постоянно грозившими вторгнуться в плодородные области Египта. На это указывают сохранившиеся в Бени-хасане³ изображения ливийских пленников, мужчин и женщин с маленькими детьми, которых номарх Хнумхотеп привел с собой в качестве добычи из ливийского похода, а также сохранившиеся здесь сцены битвы. Очевидно, это был крупный военный поход, так как воспоминание о нем прочно сохранилось в памяти народа и нашло свое отражение в очень распространенном в то время «Рассказе Синухета»⁴. В этой замечательной повести, в которой порой очень точно зафиксированы вполне реальные исторические факты, рассказывается о том, что

«войско услал его величество против земли Темеху (Ливия), причем старший сын его был во главе его—бог великий Сенусерт [он был послан сокрушить страны Техену (ливийцев)]; он приходил и приводил бесконечное множество пленных... Техену и всякого рода скота...»⁵.

Последние слова этого текста ясно указывают на цель этих военных походов, которая заключалась в грабеже ливийских областей и в захвате рабов и скота, столь необходимого Египту в эту эпоху крупного роста его сельского хозяйства.

¹ В. И. Авдиев—Раскопки Лиштинской пирамиды («Восток», III).

² Луврская стела С—I; K. Sethe—Aegyptische Lesestücke, Leipzig, 1928, S. 80.

³ Newberry—Beni-Hasan, pl. 45, 47.

⁴ Б. А. Тураев—Рассказ египтянина Синухета, Москва, 1915.

⁵ Там же, стр. 13.

Не меньшее внимание должен был уделять фараон и военным действиям на юге. Надпись в Короско говорит о завоевании нубийской области Вават¹, что открывало египтянам дорогу на юг в золотоносные области Восточной Африки. В своем «Поучении» Аменемхет с особенной гордостью говорит о своих победоносных войнах в Нубии и о покорении нубийских племен в следующих словах:

«Я (схватил) народ Вават.

Я пленил племя маджаев...»².

Таким образом, можно думать, что Аменемхет I вел довольно большие войны с целым рядом соседних племен. Эти войны, возможно, сопровождались крупными победами египетских войск и довольно значительными завоеваниями.

Завоевательную политику Аменемхета продолжал его соправитель, а потом преемник, Сенусерт I. Судя по сохранившимся источникам, он сосредоточил свое внимание на дальнейшем завоевании Нубии, которая, очевидно, должна была стать одной из важнейших сырьевых баз Египта. О большом военном походе в Нубию, относящемся к 43-му году царствования Сенусерта I, мы читаем в автобиографической надписи Амени, сохранившейся в гробнице № 2 в Бени-хасане. Надпись гласит:

«Я следовал за моим господином, когда он плыл вверх по течению, чтобы уничтожить своих врагов в четырех иноземных странах. Я поплыл на юг в качестве сына князя, хранителя царской печати, великого начальника воинов нома Газэли, как человек (который) замещает своего старого отца, так как его хвалили в царском дворце и любили при дворе. Я прошел через Нубию и поплыл вверх по течению. Я расширил границы страны. Я принес дары моему господину. Моя хвала достигла неба. Его величество благополучно возвратилось, уничтожив врагов в презренной стране Куш. Я вернулся, следуя за ним, с усердием на лице. Не было потерь в моих войсках»³.

Судя по этой надписи, египетское правительство при Сенусерте I уже могло опираться на военную поддержку номовой аристократии, отдельные представители которой гордятся своим положением при дворе и стараются показать свое усердие на царской службе. Это, очевидно, дало возможность Сенусерту I двинуть большие военные силы на дальнейшее завоевание Нубии. Как ясно видно из надписи Амени, этот поход в Нубию окончился для египтян успешно и повел к расширению южных границ Египта.

О военных походах Сенусерта I в Нубию говорит далее надпись Сиренповета, номарха Элефантины, высеченная в Элефантине. Сиренповет сообщает, как царь послал его «разгромить страну Куш». Тут же достаточно ясно раскрывается и экономический смысл этого похода. Сиренповет называет себя тем, кому докладывали о товарах, привозимых из страны маджаев, о дани князей иноземных стран⁴. Наконец, в Вади-Хальфа в Нубии найдена большая надпись, в которой говорится о завоевании Нубии Сенусертом I. Вверху изображен сам Сенусерт I, стоящий перед богом Монту, «владыкой Фив». Царь говорит богу: «Я поверг к твоим ногам, благой бог, все страны, которые находятся в Нубии». Тут же изо-

¹ Brugsch, *AZ*, 1882, 30; Thesaurus, V, 1213; Breasted, *op. cit.*, p. 228.

² Millingen, *pap.* III, 3; Breasted, *op. cit.*, p. 232.

³ Newberry—Beni-Hasan, vol. 1, pl. VIII.

⁴ Gardiner, *AZ*, B. 45, S. 133 sq; E. Meyer—*Geschichte des Altertums* (1913), B. I. 2, S. 281.

бражено, как бог подводит к царю и представляет ему вереницу связанных пленников, символизирующих захваченные египтянами нубийские города. Под головой и плечами каждого пленника помещен овал, который содержит название данного города. Можно думать, что эти 10 нубийских селений находились несколько южнее Куммэ. Фрагмент плохо сохранившейся надписи также говорит о победах царя, упоминая о «разгроме Нубии». Надпись была высечена на камне одним из полководцев царя по имени Монтухотеп для увековечения побед, одержанных египетскими войсками в Нубии, завершившихся завоеванием обширной области¹. Эти победы и завоевания египетских фараонов XII династии вызвали к жизни появление своеобразной великодержавной теории. Египетские завоеватели, упоенные своими военными успехами, начинают смотреть на побежденных нубийцев, как на «низшую расу», называя в своих надписях Нубию «презренной страной Куш». Так постепенно оформляется великодержавная и военно-агрессивная политика Египетского государства. Верховным носителем этой политики является фараон, и поэтому в честь фараона начинают складываться торжественные гимны, в которых выражается мысль о непобедимости египетского оружия и вождя египетских войск, обоготворенного царя.

При следующих фараонах, Аменемхете II и Сенусерте II, египтяне делают попытку проникнуть еще далее на юг, в ту далекую страну, которая лежала на восточных берегах Африки и называлась египтянами «Страна богов», или «Страна Пунт». Как мы уже указывали выше, еще в эпоху XI династии египтянами был освоен путь, ведущий из Коптоса к берегу Красного моря, откуда обычно шли в Пунт на кораблях. Теперь же начали пользоваться другой дорогой, шедшей несколько севернее Вади-Хаммата. Идя этой дорогой, египетские караваны прибывали к гавани, расположенной на берегу Красного моря, около Вади-Гасуса, несколько севернее Косейра. Здесь была найдена интересная надпись эпохи Аменемхета II, в которой «наследственный князь, казначей царя Нижнего Египта, начальник дворца Хет-хет-ур» воздает хвалу богам Гору и Мину за то, что он «благополучно вернулся из Пунта (причем) воины его были с ним целы и невредимы и корабли его пристали к Сау»². Эта надпись не только дает нам египетское название гавани—Сау, расположенной на берегу Красного моря, но и указывает тот путь, по которому египетские войска отправлялись в Пунт. В другой, не менее интересной надписи, также найденной в Вади-Гасусе, казначей бога Хнумхотеп сообщает, что в I-м году царствования фараона Сенусерта II был сооружен памятник в «стране бога», очевидно, в Пунте³. Все эти факты с несомненностью указывают на все более глубокое проникновение египтян в области Восточной Африки. Вполне естественно, что египтяне должны были укреплять свои новые южные границы и строить на них крепости. В одной надписи, высеченной на скалах близ Ассуана, говорится о том, что в 3-й год царствования Сенусерта II чиновник Хапу был отправлен на юг для того, чтобы «принспектировать крепости в стране Вават (Нубия)»⁴.

Завоевательная политика Египта достигла своего расцвета в эпоху Среднего царства при фараоне Сенусерте III, который завершил то, что

¹ Rose l l i n i—Mon. Stor., pl. 25. 4; B r e a s t e d, op. cit., p. 247—249.

² A. E r m a n—Stelen aus Wadi Gasus bei Qosër, ÄZ, 1882, S. 203—204.

³ Ibid., S. 204—205.

⁴ L e p s i u s—Denkmäler, II, 123 e; B r e a s t e d, op. cit., p. 278.

было начато его предшественниками. Как и раньше, особенное внимание было уделено завоеванию Нубии, естественные богатства и людские ресурсы которой были столь необходимы для развития египетской экономики. Для того, чтобы облегчить египетским войскам возможность проникновения в Нубию и обеспечить транспорт по Нилу, Сенусерт III приказал пробить в гранитных скалах в районе первых порогов большой канал. В надписи, высеченной на скале на острове Сехель, об этом важном событии сообщается в следующих словах:

«Он сделал это в качестве своего памятника для богини Анукет, владычицы Нубии (T³—pdt), построив для нее канал под названием „Прекрасны пути Хакура“, дабы он жил вечно»¹.

На 8-м году царствования Сенусерта III в связи с военной экспедицией в Нубию были произведены большие работы по расчистке этого канала. Об этом сообщает вторая надпись на острове Сехель. Тут же указаны и размеры этого канала. Эта интересная надпись гласит:

«Восьмой год царствования его величества царя Верхнего и Нижнего Египта Хакура (Сенусерта III), живущего вечно. Его величество приказал заново соорудить канал под названием „Прекрасны пути Хакура (живущего) вечно“, когда он проследовал вверх по реке, чтобы сокрушить презренную страну Куш. Длина канала—150 локтей. Ширина канала—двадцать. Глубина—пятнадцать»².

Этот канал имел очень большое стратегическое и торговое значение, ибо он давал возможность египетским военным и торговым экспедициям проникать по реке в нубийские области, расположенные между первыми и вторыми порогами. Этим каналом пользовались вплоть до эпохи Нового царства. Мы знаем, что он был восстановлен фараонами XVIII династии, Тутмосами I и II.

Результатом военного похода в Нубию, предпринятого Сенусертом III в 8-й год его царствования, было установление южной государственной границы Египта в 37 милях к югу от Вади-Хальфы по линии Семнэ—Куммэ. Этот факт был зафиксирован в надписях на двух стелах, поставленных около Семнэ на двух берегах реки. Текст стелы, обнаруженной Лепсиусом на западном берегу, гласит:

«Южная граница, установленная в 8-м году, при его величестве, царе Верхнего и Нижнего Египта Хакура (Сенусерте III), которому дана жизнь вовеки веков. Для того, чтобы воспрепятствовать каждому негру пересечь ее, будь то по воде, или по суше, или на корабле, (или) каким-либо полчищам негров, за исключением негра, который придет для торговых целей в Икен или с поручением. Следует хорошо поступить с ним, но не следует позволять кораблю негров проходить мимо Хех, идя вниз по реке, вовеки»³.

Для того, чтобы защитить эту границу от набегов нубийских племен, Сенусерт III построил около вторых порогов, там, где русло Нила сужается, на каждом берегу по крепости, которые должны были господствовать как над течением реки, так и над дорогами, шедшими вдоль Нила. Развалины этих крепостей до сих пор сохранились в Семнэ и в Куммэ.

Однако Нубия еще не была окончательно замирена. На 12-м году своего царствования Сенусерт III был принужден совершить второй поход на юг для того, чтобы «разгромить Куш», как гласит фрагмент надписи на скале

¹ Lepsius—Denkmäler, II, 136 b; Breasted, op. cit., p. 291.

² Morgan—Catalogue des monuments, 86, N 20; Breasted, op. cit., p. 229.

³ Берлинский музей, N 14753; Lepsius—Denkmäler, II, 136 i; Breasted, op. cit., p. 293—294.

в Ассуане¹. Более подробные сведения мы имеем о третьем походе Сенусерта III в Нубию, который описан на Берлинской стеле № 1157. В этой надписи говорится о том, что «в 16-м году, в третьем месяце второго времени года, его величество установил южную границу Хех. Я установил свою границу дальше (к югу от той, которую установили) мои отцы. Я увеличил то, что мною было получено по наследству... Я взял в плен их женщин, увел их подданных, подступил к их стенам, захватил их скот. Я собрал их зерно и поджег его»². На втором экземпляре этой надписи, найденной на острове Уронарти около Семне, имеется очень интересная приписка, гласящая: «Стела сооружена в 16-м году, в третьем месяце второго времени года, когда была построена крепость „Отражение троглодитов“»³. Следовательно, после этого третьего похода в Нубию Сенусерт III построил на южных границах Египта третью крепость, на этот раз на острове Уронарти, дав этой крепости это торжественное название. В память той же самой большой победы, одержанной египетскими войсками во время этого похода, был построен храм в крепости в Семне, предназначенный для празднования торжества, носившего аналогичное название «Отражение троглодитов». Как видно из источников, этому торжеству придавали настоящее большое значение, что его праздновали вплоть до эпохи XVIII династии. Помимо этого, Сенусерт III перестроил и расширил крепость в Вади-Хальфа, построенную ранее при Сенусерте I, и возвел новые крепостные укрепления несколько южнее в Матуге⁴. Наконец, на 19-м году своего царствования Сенусерту III пришлось совершить четвертый военный поход в Нубию. Об этом сообщает нам надпись Сасатета, хранящаяся в Женевском музее, в следующих словах:

«...царь Верхнего и Нижнего Египта Ха-Кау-Ра (Сенусерт III), да живет он вечно, выступил, чтобы сокрушить презренный Куш в 19-м году»⁵. Таким образом, в течение 19 лет Сенусерт III совершал военные походы и карательные экспедиции в Нубию и строил на южных границах крепости для того, чтобы окончательно завоевать и полностью замирить нубийские области. Поэтому Сенусерт III стал считаться завоевателем Нубии, и о нем долго в памяти египетского народа сохранялось воспоминание, как о покорителе нубийских областей. Так, фараоны XVIII династии, вновь завоевывая Нубию, считали, что они восстанавливают лишь то господство Египта в Нубии, которое было установлено царями XII династии, в частности Сенусертом III. Тутмос III почитает Сенусерта III в качестве бога-хранителя в египетских храмах Нубии. Фараоны XVIII династии восстанавливают крепости и храмы, построенные им в Нубии, а также его пограничные и победные стелы. Вполне возможно в связи с этим предположить, что в основе легендарного образа Сезостриса, сохранившегося у античных авторов, лежат вполне исторические фигуры двух одноименных фараонов XII династии—Сенусерта I, как первого завоевателя Нубии, и Сенусерта III, как окончательного ее покорителя. И действительно, рассказывая об этом легендарном Сезострисе, все античные авторы подчеркивают его завоевательную деятельность на юге. По Диодору и Лукану, Сезострис покорил Эфиопию и принудил ее платить дань

¹ Petrie—Season in Egypt, XIII, 340.

² Lepsius—Denkmäler, II, 136 h; Breasted, op. cit., p. 295—296.

³ Breasted, op. cit., p. 294—295.

⁴ G. Maspero—Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. Les origines, Paris 1895, p. 484.

⁵ H. Schäfer—Mysterien des Osiris, 1904, S. 8.

Египту, дань золотом, черным деревом и слоновой костью. По Эратосфену (у Страбона), Сесострис был первым египетским царем, который покорил Эфиопию и страну троплодитов, береговую полосу Аравийского залива. По Страбону, Сесострис со своим войском достиг страны Циммет и поставил памятник у Дейре около Баб-эль-Мандебского пролива. Плиний говорит, что Сесострис достиг предгорий Моссилита. Артемидор указывает на то, что Сесострис построил храм Изиде на восточном побережье Аравийского залива. Наконец, Геродот (II 102—103) и Диодор говорят о том, что Сесострис совершил морской поход в Индийский океан и покорил его острова и берега¹. Так, историческая традиция и позднейшая легенда окутали туманом сказаний историческую фигуру покорителя Нубии Сенусерта III, преувеличив его воинские подвиги и превратив его в мифического героя-завоевателя далеких южных стран. Больше того, поздняя легенда изобразила Сесостриса завоевателем Азии. Геродот, повторяя эту легенду, подробно рассказывает о том, как Сесострис завоевал Азию и даже проник в Европу¹. Однако в основе и этой легенды также лежат некоторые исторические факты. Так, мы знаем, что, продолжая традиционную завоевательную политику египетских фараонов, Сенусерт пытался проникнуть в Палестину. В надписи Себекху в следующих словах описывается этот азиатский поход:

«Его величество проследовало на север для того, чтобы сокрушить менцию сатет (азиатов). Его величество прибыло в область, называвшуюся Секмем... и тогда пал Секмем вместе с презренным Ретену»². К сожалению, более подробных сведений об этих азиатских походах Сенусерта III мы не имеем.

Это время было временем наибольшего расцвета завоевательной политики египетских фараонов Среднего царства. После длительных войн Сенусерта III наступил период мирного процветания. При Аменемхете III походы совершаются редко. Только изредка в надписях встречаются указания на «разгром негров и открытие страны азиатов»³. Громадные богатства, собранные в Египте в результате многолетних грабежных войн, завоевания соседних областей и сбора дани, дали возможность Аменемхету III начать широкую мелиоративную деятельность, в частности, в Северном Египте, где обширный оазис Фаюм превращен в громадную культурную область, и покрыть весь Египет роскошными и грандиозными постройками.

Развитие военной политики Египта в эпоху Среднего царства в значительной степени объясняется ростом производительных сил Египта и связанной с этим необходимостью расширения внешней торговли. Развитие египетского ремесла требовало доставки целого ряда видов сырья, которых не было в Египте. Так, египтяне нуждались в меди, которую они привозили с Синайского полуострова, в золоте, слоновой кости и черном дереве, которые они привозили из Нубии и из Пунта, а также в кедрах, которые они вывозили из Сирии. Поэтому естественно, что египетские фараоны стремились захватить при помощи оружия эти важные для них сырьевые базы, а также закрепить за собой торговые пути, ведущие в те области Аф-

¹ Диодор, I, 55; Лукан—Phars., X, 275; Страбон, XVI, 769—770; XVII, 770; Плиний—Ест. история, VI, 174, Геродот, II, 102; K. Sethe—Sesostris (1900), S. 16—18.

² Garstang—El Arabah. London, 1901, pl. IV—V; Breasted, op. cit., p. 304.

³ Lepsius, op. cit., II, 138 a; Breasted, op. cit., p. 313.

рики и Азии, с которыми египтяне принуждены были поддерживать торговые связи. Завоевания фараонов XI и XII династий дали возможность Египту расширить торговлю со всеми этими странами. Покорение нубийских областей позволило египетским фараонам увеличить доставку золота из богатых нубийских областей, главным образом, из района Вади-Алаки. О доставке золота из Нубии мы нередко читаем в египетских надписях времени Среднего царства. Так, например, Аменхет, правитель области Газэли, сообщает в своей автобиографической надписи:

«Я пошел на юг, чтобы привезти золотую руду для его величества, царя Верхнего и Нижнего Египта, Хеперкара, живущего вовеки веков; я поплыл на юг вместе с наследным царевичем, сыном царя от плоти его, Амени, да будет он жив, здоров и невредим. Я поплыл на юг с 400 людей, избранными воинами, которые пришли счастливо, не потерпев ущерба. Я принес золотые слитки, соответственно полученному приказу; меня похвалили за это при дворе. Превознес меня перед богом царский сын.

Затем я поплыл на юг, дабы доставить руду к городу Коптосу, с наследным царевичем, градоначальником, визирем Сенусертом, да будет он жив, здоров и невредим. Я поплыл на юг с 600 людей из всех (самых) доблестных нома Газэли. Я вернулся благополучно, я сделал все, сказанное мне»¹.

Эта надпись ясно указывает на то, что завоевание Нубии в ту эпоху было теснейшим образом связано с эксплуатацией нубийских золотых рудников. Египетские фараоны посылают в Нубию своих военачальников с отрядами войск для покорения нубийских племен и для доставки золота в Египет. С другой стороны, и торговля носила тогда неприкрытый хищнический и грабительский характер. Торговые экспедиции сопровождалась военными отрядами, а торговый обмен, нося довольно часто принудительный характер, принимал форму откровенного грабежа. Поэтому Аменхет ставит себе в особую заслугу то, что он особенно тщательно выбрал воинов для своего отряда и благополучно вернулся в Египет, не потерпев никакого ущерба.

Еще более ясные указания на эту жестокую экономическую эксплуатацию Нубии мы находим в другой надписи, сохранившейся на могильном камне Са-Хатхор, ныне хранящемся в Британском музее (№ 569):

«Я посетил,—сообщает помощник казначея Са-Хатхор,—страну рудников, будучи молодым, и я принудил вождей (Нубии) мыть золото. Я доставил малахит, я достиг Нубии (страны) негров. Я шел, распространяя ужас перед Владыкой Двух стран. Я прибыл в Ха, я обошел вокруг его островов, я доставил оттуда его продукты»².

Очевидно, эта эксплуатация золотоносных рудников Нубии и происшедший при этом торговый обмен производились далеко не мирным, добровольным образом, а посредством явного принуждения со стороны египтян, которые в данном случае опирались на свою военную силу, на свой флот и на свои крепости. Недаром египетские надписи столь часто указывают на страх, который чувствовали по отношению к египтянам культурно-отсталые племена Нубии.

¹ Newberry—Beni-Hasan, vol. I, pl. VIII.

² Schärpe—Inscriptions, II, 74; Breasted, op. cit., p. 274.

Египетские фараоны этой эпохи особенно гордятся тем, что им удается получать из Нубии драгоценное нубийское золото. Так, в надписи Ихернофрета, относящейся ко времени Сенусерта III, мы читаем:

«Приказало мое величество, чтобы тебе дали отправиться в Абидос в Тинисском номе, чтобы воздвигнуть памятник отцу (моему) Озирису Хентиаментиу, чтобы соорудить святилище тайны из золота белого, которое он (т. е. бог) дал возможность моему величеству привезти из Нубии благодаря силе и победе»¹.

Наконец, роскошные драгоценности, найденные в погребениях времени Среднего царства, ясно указывают на то, какого высокого уровня достигло ювелирное искусство благодаря тому, что в эту эпоху стало доставляться из Нубии в Египет громадное количество золота².

Большое значение для развития древнеегипетской экономики имела, далее, эксплуатация естественных богатств тех областей, которые были расположены к востоку от Египта, отделяя долину Нила от Красного моря. Здесь египтяне добывали необходимую им медь, а также различные сорта камня. Одним из важнейших путей, ведущих в эти восточные области, было русло высохшего потока, Вади-Хаммамат, древний торговый путь, по которому шли из Коптоса к берегу Красного моря. Сохранившиеся здесь многочисленные надписи указывают на довольно интенсивную эксплуатацию этого района в эпоху Среднего царства. Так, в официальной надписи от 2-го года царствования Небтаура-Монтухотепа говорится:

«Мое величество послало наследного царевича, правителя и визиря, начальника работ и любимца царя, Аменемхета, с отрядом в 10 000 человек из южных номов, Среднего Египта и передней части Оксиринского нома для того, чтобы привезти мне прекрасные глыбы чистого драгоценного камня, который находится в горах и из которого делает прекрасные предметы бог Мин»³.

На значение этой экспедиции указывает большое количество людей, отправленных под начальством Аменемхета, которому, очевидно, царь поручил доставить большую партию камня, необходимого для построек в Египте. Необходимость эксплуатации естественных богатств этих восточных областей повлекла за собой колонизацию египтянами всего этого района. О попытках превратить эту пустынную область в цветущий заселенный край мы читаем в одной надписи, сохранившейся в Вади-Хаммамате. В этой надписи некто Саанх, называющий себя «начальником войск всей области в этой горной стране», с гордостью говорит о том, что он «сделал долины зелеными и вырыл на высотах пруды для воды». Это дало возможность Саанху заселить весь этот район. Саанх сообщает далее в своей надписи о том, что он охотился здесь на диких зверей и во время своих поездок достигал моря⁴. Так египтяне в эпоху Среднего царства стремились захватить в свои руки побережье Красного моря, завоевывая и колонизируя восточные области. Вполне естественно, что стремление к захвату важных восточных торговых путей должно было

¹ H. Schäfer—Mysterien des Osiris (1904), S. 10.

² Flinders Petrie—Arts et métiers de l'ancienne Egypte (1912), p. 102—108, fig. 96—101.

³ Lepsius—Denkmäler, II, 149 d; Golénischeff—Hamamat, XI; Breasted, op. cit., p. 213.

⁴ Lepsius—Denkmäler, II, 149 g; Newberry—Beni-Hasan, vol. II, p. 18; Breasted, op. cit., p. 217.

приводить египетское правительство к расширению военной экспансии также и в этом направлении.

От берегов Красного моря открывались новые торговые пути, среди которых одним из наиболее важных был путь в далекую южную страну, которую египтяне называли страной Пунт, или страной богов (Та нетер), и которая, очевидно, находилась в восточной части Африки. В приведенной мною выше надписи казначея Хену описывается торговая экспедиция, отправленная в эпоху XI династии в эту страну с целью доставки в Египет столь ценившихся тогда «свежих благовоний от вождей Красной Земли». Можно думать, что торговые экспедиции в Пунт не были особенно редким явлением в эту эпоху. По крайней мере они нашли свое отражение даже в художественной литературе, в частности, в одной сказке, облеченной в высокохудожественную ритмическую форму¹, в которой рассказывается о приключениях моряка, заброшенного бурей на таинственный «остров духа», где его встречает «правитель страны Пунт» и щедро одаряет местными продуктами: благовонными смолами, слоновой костью и прочими ценными товарами. В этой сказке ясно чувствуется стремление египтян проникнуть в эти далекие, сказочные, богатые южные страны. Конечно, не одно любопытство и не одна страсть к приключениям толкали египтян на эти далекие путешествия. Ими руководило желание завладеть этими богатыми источниками ценного сырья и завязать прочные торговые связи с туземными культурно-отсталыми племенами. И здесь мы также видим, как тесно сплеталась военная политика Египта с расширением египетской торговли: необходимость проникнуть в южные страны влекла за собой ряд войн с племенами, населявшими области, лежавшие к востоку и к югу от Египта.

С меньшей энергией продвигались египтяне и в северо-восточном направлении. В эпоху Древнего царства египтяне проникли на Синайский полуостров и довольно интенсивно эксплуатировали находившиеся там медные рудники². В эпоху Среднего царства египтяне довольно прочно укрепляются в районе этих медных рудников, на что указывает множество надписей, сохранившихся на скалах в непосредственной близости от древних разработок меди, в Вади-Магхара и в Серабит-эль-Хадим. В этих точно датированных надписях указывается имя и титул чиновника, руководившего данной экспедицией, говорится об открытии новых рудников, сообщается количество рабочих. Особенно много надписей такого рода сохранилось от времени царствования Аменхета III³. Очевидно, что в эту эпоху египтяне особенно интенсивно эксплуатировали медные рудники Синая для того, чтобы «горы дали то, что они хранят в своих недрах», как образно говорится в одной из этих надписей. Рост производительных сил Египта и развитие военной политики требовали все большей и большей доставки меди, которая была нужна для изготовления орудий и оружия.

¹ W. Golénischeff—Le papyrus 1115 de l'Ermitage Imperial. Paris 1906; V. V i k e n t i e v—The Metrical Scheme of the «shipwrecked sailor». BIFAO, t. 35. Le Caire 1934.

Об эксплуатации Пунта в эпоху XIII династии можно судить по упоминаниям в надписи Неферхотепа «благовоний из Пунта» и «драгоценных камней из страны богов»; см. P i e r e r—Die grosse Inschrift des Königs Neferhotep (1929), S. 75.

² В. И. А в д и е в—Военная политика Египта в эпоху архаики и Древнего царства, ВДИ 1938, № 1, стр. 49—51.

³ См. W e i l l—Sinai, passim; B r e a s t e d, op. cit., p. 314—323.

В эпоху Среднего царства египетская торговля в некоторой мере проникает уже в Палестину и в Сирию. Египетские торговцы и колонисты селятся в этих странах, содействуя тем самым расширению египетской внешней торговли и колонизации. В этом отношении очень красноречивы те указания, которые мы находим в очень реалистическом художественном произведении той эпохи, в «рассказе Синухета». Синухет, бежавший от гнева царя в Сирию, слышит там египетскую речь, встречает египтян и египетских послов.

На проникновение египетской торговли в Сирию указывают и результаты археологических раскопок. Так, в Бейсане, где были обнаружены развалины египетских храмов времени Нового царства, были найдены во время раскопок египетские предметы эпохи Среднего царства. Среди них следует отметить стеатитовое кольцо времени Среднего царства с печатью, на которой находится изображение цветка и надпись: «Пусть царь воздаст хвалу богу Ра»¹. Но египетская торговля проникла и в значительно более северные области Сирии. Об этом ясно свидетельствует статуя египетского посла Сенусертанха, времени XII династии, найденная при раскопках древнего торгового города в Рас-Шамре, на берегу Средиземного моря; там, где пролегал важный торговый путь, шедший из долины Евфрата в Северную Сирию и далее в район островов Эгейского моря². Вполне естественно, что египетская торговля стремилась проникнуть в эти важные торговые центры, где скрещивались торговые пути, шедшие из Малой Азии, Месопотамии, Аравии, Египта и Эгейского моря. На укрепление торговых связей между Египтом и Сирией указывает, наконец, также и факт проникновения в Египет азиатских торговцев. На стенах одной бенихасанской гробницы сохранилось интереснейшее изображение азиатского торгового посольства, состоящего из 37 человек из азиатского племени аму во главе со своим вождем, по имени Ибша. Это посольство прибыло к Хнумхотепу, номарху области Газэли, и привезло с собой мазь, употреблявшуюся при болезнях глаз³.

В эту эпоху египетская торговля начинает проникать также и на север, в обширный район Эгейского моря. В египетских надписях Среднего царства появляется слово «Ханебу», которым египтяне пользовались для обозначения племен, живших на островах, расположенных в восточной части Средиземного моря. Так, в цитированной мною выше надписи казначея Хену, относящейся ко времени XI династии, говорится о том, что Хену «повергает ниц Ханебу»⁴. В другой надписи XII династии чиновник Сенусерта I сообщает о том, что он принадлежал к канцелярии, ведавшей сношениями с племенами Ханебу⁵. Наконец, на существование довольно прочных торговых связей между Египтом и Эгейским миром указывают находки эгейских вещей в Египте и египетских—на островах Средиземного моря. В развалинах города, построенного Сенусертом II близ его пирамиды у входа в оазис Фаюм (Кахун близ Иллахуна), был найден целый ряд черепков сосудов типа Камарес, происходящих с острова Крита⁶. Прекрасная, орнаментированная розетками, ваза типа Камарес

¹ A l a n R o w e—The Palestine Expedition. Report of the 1928 season. M. J. Philadelphia. Pensilvania University, March 1929.

² ILN, 3 March 1934.

³ N e w b e r r y—Beni-Hasar; L e p s i u s—Denkmäler, II, pl. 131.

⁴ E d. M e y e r—Geschichte des Altertums (1913). B. 1, 2, S. 287.

⁵ Ibidem.

⁶ F i m m e n—Kretisch-Mykenische Kultur. Leipzig, 1921, S. 166.

была найдена Гарстангом в Абидосе в нетронутой гробнице № 416 наряду с цилиндрическими печатями Сенусерта III и Аменхета III, вазами и драгоценностями времени XII династии¹. С другой стороны, в развалинах Кносского дворца была найдена нижняя часть египетской статуи, которая, судя по стилю и по сохранившейся надписи, должна быть отнесена к XII или XIII династии².

Все эти факты с полной ясностью указывают на то, что Египет в эпоху Среднего царства был связан торговыми нитями с целым рядом соседних стран. Развитие этой торговли, связанное с необходимостью захвата рабов, иноземных источников сырья, крупных торговых рынков и закрепления на важнейших торговых путях, объясняет ту довольно значительную военную политику, которую вели египетские фараоны XI и XII династий.

¹ «Liverpool Ann.», V, 1913, p. 107 sq, pl. 13—14; F i m m e n, op. cit., p. 157, Abb. 155.

² F i m m e n, op. cit., p. 171—172, Abb. 166.

